18+

ТАЙНА АМУЛЕТОВ

Мистический триллер

МАРИНА МОРСКАЯ

Марина Морская

Тайна амулетов. Две половинки разбитого сердца

«Издательские решения»

Морская М.

Тайна амулетов. Две половинки разбитого сердца / М. Морская — «Издательские решения»,

Элиза Морган, художница из Огайо, покупает в странной лавке старинный амулет с фиолетовым камнем. С этого дня её жизнь превращается в кошмар: амулет нельзя снять, он пульсирует в такт сердцу, вокруг творятся необъяснимые вещи. Где-то в Нью-Йорке есть второй амулет — и человек, который его носит, миллиардер Итан Блэквуд. Их встреча должна была случиться, но за ними охотится тот, кто три тысячи лет не даёт двум половинкам единого целого соединиться.

© Морская М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: «Лавка забытых вещей» 6
Глава 2: «Эхо в камне» 10
Глава 3: «Та, что стоит между» 15
Глава 4: «Хранительница из Бруклина» 19
Глава 5: «Блэквуд-Холл и его тайны» 24
Глава 6: «Свет в шторме» 30
Глава 7: «Исповедь Роуз» 36
Глава 8: «Деревня хранителей» 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Тайна амулетов
Две половинки разбитого сердца

Марина Морская

© Марина Морская, 2026

ISBN 978-5-0071-5409-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Всё-таки где-то есть смысл во всём и тайну можно тогда разгадать»

Глава 1: «Лавка забытых вещей»

Дождь в Нью-Йорке не падал — он висел в воздухе мерзкой водяной пылью, превращая свет фар в размытые кляксы. Элиза Морган, кутаясь в промокшее серое пальто, почти бежала по Нижнему Ист-Сайду. Её каблуки выбивали нервную дробь по потрескавшемуся асфальту. День не задался: утром она провалила собеседование в галерею, днем получила уведомление о просрочке аренды, а вечером, словно вишенка на торте, пырнул боком старый зонт, и она промокла до нитки.

Ей хотелось исчезнуть. Раствориться в этом лабиринте из стекла и бетона.

Сворачивая с Орчард-стрит в какой-то узкий, незнакомый переулок, она надеялась срезать путь до метро, но только сильнее заблудилась. Именно тогда, среди граффити и мусорных баков, она и увидела его.

Магазин выглядел инородно. Он вклинился между китайской прачечной и закрытой пиццерией, словно его выдавило из-под земли. Никакой яркой вывески, только тусклая медная табличка, зеленая от патины: «Лавка древностей». Ниже, более мелкими буквами, было выгравировано имя владелицы: Нингаль.

— Нингаль? — прошептала Элиза, и её дыхание вырвалось облачком пара. Имя было странным, чужим, словно пришедшим из другого времени. Изнутри, сквозь заляпанное вековой пылью стекло, пробивался не свет, а какое-то густое, медовое свечение. Оно манило к себе, обещая тепло и сухость.

Витрина была завалена хламом: старые часы с облезшей позолотой, атласные перчатки, пожелтевшие от времени, и сломанный граммофон с трубой, похожей на гигантский окаменевший цветок. Но взгляд Элизы приковал предмет, лежащий на вытертом бархате в самом центре.

Это был амулет.

На первый взгляд — просто безвкусная, тяжелая подвеска. Тусклое серебро, возможно, даже олово, которому придали форму свернувшейся в кольцо змеи, кусающей себя за хвост. В центре кольца был зажат мутный камень глубокого, почти черного фиолетового цвета. Но чем дольше Элиза смотрела, тем менее тусклым казался металл и тем глубже становился цвет камня. Ей померещилось, что внутри камня медленно, как лава, перетекают тени.

Она не поняла, как её рука легла на холодную медную ручку. Над дверью мелодично звякнул колокольчик, и Элиза шагнула внутрь.

В лавке пахло вовсе не пылью и плесенью, как она ожидала. Пахло сандалом, сухими травами и чем-то острым, металлическим — как от монет, которые пролежали в земле тысячу лет. Воздух был спертым и невероятно тихим. Уличный шум Нью-Йорка исчез, отрезанный, словно дверь захлопнулась не в пространстве, а во времени.

— Добрый вечер, дитя, — голос прозвучал из полумрака, заставленного стеллажами до самого потолка. Он был сухим, надтреснутым, но в нём вибрировала странная, глубинная нота.

Элиза вздрогнула. За прилавком, похожим на церковный аналой, сидела женщина. Назвать её старухой не поворачивался язык, хотя кожа её лица напоминала пергаментную бумагу. Волосы, цвета воронова крыла, были гладко зачесаны и собраны в тугой узел. На ней было платье из тяжелого черного шелка, совершенно неуместное в этом веке. Глаза навыкате, неопределимого болотного цвета, смотрели на Элизу с жутковатым, оценивающим спокойствием.

— Я… простите, я просто зашла с дождя, — пробормотала девушка, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — И увидела в витрине…

— Амулет? — уголок тонких губ дрогнул. — Ты почувствовала его. Это хорошо. Очень мало кто его… замечает.

Женщина медленно поднялась и, не шурша юбками, словно плывя над полом, подошла к витрине. Длинными, неестественно подвижными пальцами с идеальным миндалевидным маникюром она извлекла подвеску и положила её на стеклянный прилавок перед Элизой.

Теперь, вблизи, амулет был еще тревожнее. Змея, кусающая свой хвост, была выточена с анатомической точностью. Можно было различить каждую чешуйку. Но что-то было не так. Конца змеи, того, что во рту, не было видно. Голова чудовища словно уходила в камень, исчезала в нём без следа. И камень… он не был камнем. Он был живым. Элиза готова была поклясться, что внутри пульсирует крошечное, едва уловимое сердцебиение.

— Уроборос, — прокомментировала хозяйка, перехватив взгляд девушки. — Символ вечности. Но эта вещь, — она коснулась амулета кончиком ногтя, и Элизе показалось, что фиолетовая вспышка полыхнула в глубине, — гораздо старше любого символа. Это до-человеческая тоска, заключенная в металл.

— Красивый… но какой-то странный, — Элиза протянула было руку, но отдернула. Ей вдруг стало страшно того, что она почувствует при прикосновении.

— Странный? Пожалуй. Он одинок. — Глаза женщины блеснули в полумраке. — Ему нужна пара. И он ищет.

— Сколько он стоит? — вопрос вырвался сам собой. Элиза не собиралась ничего покупать. В её кошельке оставалась последняя двадцатка до следующей недели.

— Деньги? — хозяйка тихо, скрипуче рассмеялась. — За эту вещь не платят деньгами, милая. Он сам выбирает себе спутников.

— Но… — Элиза нахмурилась. Это начинало её раздражать. Мистический антураж, дешевая театральщина. — Я видела ценник в витрине. Что за бред, уважаемая?

— Ах, это, — женщина махнула рукой. — Я должна была что-то там написать для налоговой. Пятьдесят долларов.

Пятьдесят. Одна её смена в кофейне, плюс чаевые. Сорок долларов забирала квартирная плата, и ещё десять на еду. Но мысль о том, чтобы уйти отсюда и забыть этот странный, пуль-

сирующий камень, вдруг показалась Элизе невыносимой, физически болезненной. Внутри все сжалось от чувства, похожего на острую тоску. Тоску не по тому, что было, а по тому, чему суждено случиться? Что за чушь лезет в голову.

— Сорок, — сказала она твердо, надеясь, что цена окажется неподъемной и снимет с неё это наваждение.

— Я же сказала, — безразлично пожала плечами хозяйка, отходя обратно в тень своего угла. — Ему плевать на цифры. У тебя в кошельке двадцать три доллара и тридцать центов. Оставь двадцать. Три доллара тебе пригодятся на проезд.

Элиза замерла. Сердце гулко ухнуло в груди. Откуда она знает точную сумму, вплоть до центов? Холодок на спине перерос в ледяной озноб, бегущий по позвоночнику.

Она должна была бежать. Разум кричал ей: «Уходи, Элиза, это неправильно, опасно, безумно!» Но её рука уже нырнула в карман пальто, нащупала влажный, скомканный банкнот и положила двадцать долларов на холодное стекло.

— Вот и умница, — в голосе старухи послышалось удовлетворение. — Возьми.

Элиза колебалась лишь на мгновение. Она протянула пальцы к подвеске. В тот момент, когда кожа коснулась металла, она ожидала ледяного холода. Но металл был горячим. Обжигающе горячим, словно его только что вынули из печи. Пульсация из камня перешла в кончики пальцев, а затем поднялась по запястью, по вене к самому сердцу. Это было похоже на электрический разряд. Не боль, а шок. Амулет идеально лёг в её ладонь, цепочка скользнула, словно живая, обхватывая пальцы.

— Слушай меня внимательно, Элиза, — голос хозяйки изменился, в нём больше не было притворного добродушия. Он звучал властно и почти угрожающе. — Ты взяла то, что выбрало тебя. Теперь у этой вещи только одна цель. В мире есть второй такой же амулет. Твоя задача — найти человека, который его носит. И когда вы встретитесь, ты поймёшь, что уже не принадлежишь самой себе.

— Что? Откуда вы знаете моё имя? — прошептала Элиза, отступая к двери. Ладонь, сжимавшая амулет, онемела и больше не чувствовалась частью её тела.

Но женщина уже отвернулась, пряча своё пергаментное лицо в тенях.

— Дверь за тобой, — сухо бросила она. — Иди. И бойся опоздать.

Элиза не помнила, как выскочила на улицу. Дождь все так же висел в воздухе, прохожие все так же куда-то спешили, но мир казался приглушенным, словно её голова была обмотана ватой. Она разжала ладонь и посмотрела на амулет. В тусклом свете уличных фонарей он выглядел старым, кустарным и совершенно безобидным. Ей почти удалось убедить себя, что сердцебиение в камне ей почудилось.

Она надела цепочку на шею и быстро спрятала амулет под блузку. Металл уже не обжигал, он идеально подстроился под температуру её тела. Элиза глубоко вздохнула, пытаясь унять

дрожь, и быстро зашагала в сторону метро. Ей не терпелось оказаться в своей крошечной квартире, запереть дверь на все замки и выпить чашку обжигающего чая.

Она не заметила главного. Не заметила, что в момент, когда амулет коснулся её кожи, мутный фиолетовый камень в центре змеиного кольца на долю секунды стал кристально прозрачным, и внутри него, словно в глубине бездонного колодца, загорелась крошечная, но невероятно яркая золотая искра. И где-то далеко, в другом конце Нью-Йорка, в пентхаусе, залитом холодным светом, незнакомый ей пока молодой мужчина внезапно схватился за грудь и уронил бокал с виски, почувствовав внезапный, обжигающий толчок изнутри.

Охота началась.

Глава 2: «Эхо в камне»

Пентхаус Итана Блэквуда парил над Манхэттеном, как стеклянный корабль в океане неоновых огней. Стены от пола до потолка были прозрачными, открывая панораму на Центральный парк — черную, залитую дождем бездну, прорезанную нитями фонарей. Но Итан не смотрел в окно. Он стоял над осколками хрустального бокала, прижав ладонь к груди, там, где под тонкой тканью черной водолазки, на кожаном шнурке висел его талисман.

Больше полугода амулет вел себя тихо. Он достался Итану после смерти матери, женщины, которую он едва помнил, но которая, по слухам, была «странной». Она оставила адвокату четкое указание: «Передать Итану в день его тридцатилетия, ни днем раньше, ни днем позже». Итан тогда посмеялся над театральностью — он, строительный магнат, владелец небоскребов, получает в наследство дешевую безделушку с тусклым фиолетовым камнем? Но из уважения к покойной надел шнурок на шею и забыл о нем.

До этой ночи.

Секунду назад он сидел в кресле с бокалом «Лагавулина», просматривая смету нового проекта, как вдруг амулет ожил. Он не просто нагрелся — он запел. Вибрация была такой низкой и мощной, что задрожала жидкость в бокале, а в ушах зазвенело. Камень в центре змеиного кольца вспыхнул фиолетовым пламенем, осветив комнату, словно стробоскоп, и тут же погас.

— Какого черта… — прошептал Итан, разглядывая амулет. Металл снова был холодным. Камень — мутным. Никаких следов аномалии. Только сердце колотилось как бешеное, а в висках стучала непонятная, иррациональная тревога, смешанная с… предвкушением?

Он подошел к бару, налил себе новую порцию виски, плеснув на два пальца выше обычного, и залпом выпил. Его отражение в темном стекле было напряженным. Тридцать два года, атлетическое телосложение, волевой подбородок и светло-серые, почти стальные глаза, которые сейчас смотрели на мир с холодной настороженностью человека, привыкшего контролировать всё. Но это он контролировать не мог.

«Что за чертовщина? — подумал он. — Индукция? Влияние грозы?»

Но гроза прошла стороной. Итан повертел амулет, пытаясь найти батарейку или скрытый механизм. Ничего. Просто кусок серебра и странный, неопознаваемый минерал.

Внезапно камень снова, едва заметно, запульсировал. Ритм был медленным, убаюкивающим. Баюм. Баюм. Баюм. Как второе сердце. Итан поднес его ближе к свету, и ему показалось, что внутри мутной глубины танцует крошечная золотая искра.

— Что ты такое? — спросил он вслух, ни к кому не обращаясь.

Амулет молчал. Но Итану вдруг непреодолимо захотелось выйти на улицу. Прямо сейчас. В дождь. Он не мог объяснить этот порыв. Какая-то сила тянула его вниз, в пульсирующие недра города, словно там, в лабиринте улиц, скрывался ответ. Или человек.

В то же самое время, на другом конце города, в своей крошечной захламленной студии в Бруклине, Элиза сидела на кровати и не могла отдышаться. Амулет лежал на её ладони, и она, как загипнотизированная, смотрела в фиолетовую бездну камня.

Как только она переступила порог квартиры, первое, что она сделала — попыталась снять цепочку. Застежка, простой карабин, должна была легко поддаться. Но она словно прикипела. Элиза дергала, царапала шею, но металл не поддавался, будто звенья цепи срослись в монолит.

— Да что за черт! — выругалась она в отчаянии и тут же почувствовала странное спокойствие. Тепло от камня поднялось по груди к горлу, и паника схлынула, словно её стерли ластиком. Амулет успокаивал её.

Она легла в кровать, решив разобраться с ним утром при дневном свете. Но сон не шел. Каждый раз, закрывая глаза, она видела образы. Не сны — яркие, кинематографичные вспышки. Старинный особняк на скале, бушующее море, разбивающееся о утесы. И лицо. Мужское лицо. Его черты были размыты, но глаза… стальные, холодные, смотрящие прямо в душу.

Элиза рывком села. Сердце бешено колотилось.

— Мне нужно выбросить тебя, — сказала она амулету. — Слышишь? Выбросить.

В ответ на это камень мигнул. Один раз. Как предупреждение. Или как насмешка.

Она решила, что утром поедет в строительный магазин за кусачками или, на худой конец, в больницу, чтобы там перерезали цепочку. С этой мыслью она, наконец, забылась тяжелым, без сновидений сном.

Наутро странности продолжились.

Первым, что она увидела, открыв глаза, был свет. Не серый, унылый рассвет дождливого Нью-Йорка, а яркий, золотой луч, бьющий прямо в окно и падающий на амулет на её груди. Дождя как не бывало. Камень в лучах солнца преобразился: из мутно-фиолетового он стал глубоким аметистовым, с алыми прожилками, светящимися изнутри.

Элиза оторвала взгляд от амулета и потянулась за телефоном. На экране горело сообщение от незнакомого номера:

«Не пытайся снять. Будет хуже. Дождись знака. Н.»

Элиза похолодела. Н. Нингаль. Та странная женщина из лавки.

— Откуда у неё мой номер? — прошептала она. Ведь она не давала номера, не заполняла никаких форм, она просто оставила двадцать баксов на стекле! Пальцы дрожали, пока она пыталась набрать ответ, но сообщение не отправлялось. Номер был недоступен.

Это был первый звоночек.

Второй прозвенел в кофейне.

На углу её улицы была маленькая забегаловка «У Луиджи», где Элиза брала утренний американо. Она знала там всех бариста, и они знали её. Но сегодня за стойкой стоял незнакомый пожилой латиноамериканец с добрыми, но невероятно печальными глазами.

— Американо, пожалуйста, — сказала Элиза, роясь в сумке в поисках мелочи.

— Сегодня за счет заведения, — улыбнулся мужчина, но улыбка не коснулась его глаз. Он смотрел… на её грудь. Точнее, на амулет, который она забыла спрятать под блузку.

— Что? Почему?

— Потому что вы потеряете кое-что важное сегодня, — спокойно ответил он, протягивая ей стакан. — И найдете. Старое правило баланса.

Элиза опешила.

— Простите? Какое правило?

— Вселенная не терпит пустоты, сеньорита. Особенно когда два куска единого целого так близко. La pareja debe unirse (испан. —
Пара должна объединиться).

— Вы знаете, что это? — она инстинктивно схватилась за амулет.

Мужчина отвел глаза.

— Я знаю только одно. Не бойтесь, когда начнется. Страх — это яд для него. Идите. Опаздываете в типографию.

Элиза вылетела из кофейни, как ошпаренная. Откуда он узнал про типографию? Она только вчера вечером, в отчаянии, обзванивала все дешевые копи-центры в округе, и записалась на утро распечатать резюме в «Printik. Она никому об этом не говорила.

Весь день превратился в череду мелких, зловещих чудес.

В метро напротив неё сел человек, читающий книгу. Название книги: «Соединенные судьбой: Мифы древнего Шумера». Когда поезд дернулся, книга упала и открылась на странице с иллюстрацией. Два амулета. Две змеи. И подпись: «Разлученные жаждут воссоединения».

В типографии, пока печатались её резюме, из принтера стала вылезать бумага с идеально отпечатанной фразой: «Ищи того, кто носит твое сердце в камне. Начни с Центрального парка, восточная аллея, сегодня, 18:00».

Она смяла бумагу и сунула в карман. Мистификация? Розыгрыш? Но кто? Кто мог управлять принтером? Парень за стойкой, с козлиной бородкой и в футболке с «Звездными войнами», смотрел на неё с недоумением:

— Эм, мэм, у вас все хорошо? Вы побледнели. Может, воды?

Элиза выскочила на улицу. Городской шум обрушился на неё, но ей казалось, что она в вакууме. Все звуки доносились как сквозь толщу воды. Она прислонилась к фонарному столбу, пытаясь унять дрожь. Ей было страшно. Жутко страшно. Но вместе со страхом внутри росло чувство, совершенно ей несвойственное — дикое, необузданное любопытство и странное томление плоти. Словно в районе солнечного сплетения сворачивалась теплая пружина, тянувшая её куда-то на север, в сторону Центрального парка.

«Бойся опоздать», — вспомнила она слова Нингаль.

Она посмотрела на амулет. Камень ярко сиял под солнечным светом. Золотая искра внутри больше не была искрой — это был крошечный пульсирующий огонек, бьющийся в такт с её сердцем.

«Ищи того, кто носит твое сердце в камне…»

Элиза сделала глубокий вдох, отлепилась от столба и, сжав амулет в кулаке, приняла иррациональное, безумное решение.

Она пойдет.

Остаток дня до шести она бесцельно бродила по Верхнему Ист-Сайду, то и дело поглядывая на часы. Странные происшествия не прекращались. Перед ней открывались двери, которые были закрыты. Светофоры переключались на зеленый за секунду до того, как она к ним подходила. Один раз на неё упало золотое конфетти из ниоткуда, осыпав плечи блестками. Люди интуитивно уступали ей дорогу, словно боялись задеть.

А Итан Блэквуд, так и не сомкнувший глаз, проведя бессонную ночь за изучением странного поведения своего амулета, в половине пятого вдруг отменил важную встречу с инвесторами из Дубая, сославшись на плохое самочувствие. Впервые в жизни. Он не знал, почему. Просто мысль о том, чтобы сидеть в душном конференц-зале, была кощунственной. Мир словно сузился до пульсации камня на груди. Его, как магнитом, тянуло выйти на улицу.

В 17:40 Итан надел легкое серое пальто и вышел из своего небоскреба. Сам не зная зачем, он направился к Центральному парку. Ноги несли его сами. Он чувствовал, что идет на зов. Древний, глубокий, не имеющий ничего общего с логикой.

В 17:55 он вошел в парк через восточный вход. Аллея, освещенная заходящим солнцем, была почти пуста. Лишь облетающие клены шуршали под ногами.

В 17:58 с другой стороны аллеи, с запада, появилась девушка в сером пальто. Она шла, прижимая руку к груди. Её взгляд был прикован к земле, но когда она подняла голову… Их разделяло метров сто, не больше.

В 18:00, секунда в секунду, амулет Элизы засиял ровным, аметистовым светом. Светом маяка. В ту же секунду амулет Итана вспыхнул в ответ, и золотая искра внутри него разгорелась в маленькое солнце, прожигая рубашку.

Элиза резко остановилась. Мужчина в конце аллеи остановился тоже. Их взгляды встретились.

Она узнала эти глаза. Стальные, холодные, но сейчас полные шока и какого-то древнего, голодного узнавания. Те самые глаза из её сна. Внутри у Элизы все перевернулось. Это был не просто страх, не просто облегчение. Это был удар молнии. Химическая реакция, запущенная тысячи лет назад.

Итан смотрел на незнакомку, и мир вокруг потерял краски. Все стало черно-белым, кроме неё и этого пульсирующего, фиолетового сияния в её руке. Воздух между ними, казалось, наэлектризовался до предела. Еще мгновение — и вспыхнет дуга.

Два амулета, две половинки единого целого, наконец, нашли друг друга. И теперь весь мир для них двоих уже никогда не будет прежним.

Итан шагнул вперед первым.

Глава 3: «Та, что стоит между»

Сто метров.

Расстояние между ними сокращалось с каждой секундой. Итан Блэквуд шел по аллее Центрального парка, и каждый его шаг отдавался в груди глухим барабанным боем. Девушка напротив тоже застыла лишь на мгновение, а затем, словно подчиняясь той же невидимой силе, двинулась к нему. В воздухе между ними, на уровне солнечных сплетений, дрожала и искрилась тонкая, едва заметная глазу золотисто-фиолетовая нить. Она пульсировала в такт биению двух сердец.

Сорок метров.

Элиза уже видела его лицо отчетливо: резкие, аристократические черты, волевой подбородок, на котором темнела легкая щетина, и глаза. Цвета грозового неба, пронзительные, шокированные. Он был красив той пугающей, хищной красотой, от которой у неё перехватывало дыхание. Амулет на её шее больше не просто грел — он пел, издавая тихий, вибрирующий звук, который, казалось, слышали только они двое.

Тридцать метров.

Итан видел девушку. Ее волосы цвета темного меда растрепались от ветра, серое пальто, слишком легкое для такой погоды, подчеркивало хрупкость фигуры. Но в её глазах, широко распахнутых, цвета расплавленного янтаря, горел такой же дикий, необъяснимый шок, который испытывал он сам. Она прижимала руку к груди точно в том же месте, где у него висел талисман. Второй амулет. Значит, это правда. Их двое.

Двадцать метров.

Внезапно все изменилось.

Между деревьями, слева от Итана, беззвучно возникла фигура. Высокая, закутанная в бесформенное черное пальто с поднятым воротником. Лицо незнакомца скрывала глубокая тень, но было ясно одно: он смотрел прямо на девушку в сером пальто. От фигуры исходила волна такого концентрированного, ледяного холода, что трава под ногами Итана буквально заиндевела. Воздух загустел, наполнился запахом озона, как перед грозой.

Элиза тоже почувствовала это. Её амулет внезапно дернулся на шее, словно его толкнули. Жар сменился ледяным холодом. Золотистая нить между ней и мужчиной задрожала, истончилась, и по ней, словно электрический разряд, пробежала черная рябь. Элиза вскрикнула и отшатнулась, схватившись за голову. В висках зазвенело от боли, острой и внезапной.

Итан перевел взгляд с девушки на темную фигуру между деревьями. Гнев — дикий, неконтролируемый, животный гнев — захлестнул его. Он не знал, кто этот человек, но инстинктивно понимал: это угроза.

— Эй! — крикнул он, сжимая кулаки и делая шаг в сторону незнакомца. — Ты кто такой?!

Фигура медленно, очень медленно повернула голову к Итану. Под капюшоном на мгновение сверкнули белые, белесые глаза — без зрачков, без радужки, словно затянутые катарактой, но в то же время видящие его насквозь. Итан почувствовал, как его собственный амулет обжигает грудь уже не теплом, а агрессивным, защитным импульсом.

В это же мгновение за спиной Элизы раздался до боли знакомый скрипучий голос:

— Еще не время, дитя. Беги.

Элиза резко обернулась. На скамейке, которой секунду назад была абсолютно пуста, сидела Нингаль. Хозяйка лавки была одета в то же черное шелковое платье, что и вчера, словно время не имело над ней власти. В руке она держала старинный веер и медленно им обмахивалась.

— Вы?.. — выдохнула Элиза. — Что вы здесь делаете? Что происходит?

— Вопросы потом, — сухо оборвала её Нингаль. Её болотные глаза горели напряженным огнем. — Этот человек, — она кивнула в сторону темной фигуры, — Ключник. Охотник. Он служит разлучению. Три тысячи лет его орден стоял на страже, чтобы амулеты никогда не соединились. Он почувствовал всплеск, когда двадцать минут назад вы вошли в парк. Ты стоишь на линии огня.

Темная фигура — Ключник — медленно поднял руку. Его пальцы, длинные и неестественно бледные, сжались в щепоть, словно он брал невидимый аккорд на струнах мироздания. Итана внезапно отбросило назад, словно невидимой ударной волной. Он пролетел пару метров и тяжело рухнул на спину, выбив дух из легких.

— Какого черта?! — прохрипел он, пытаясь подняться. Грудь горела огнем. Амулет раскалился так, что начал жечь кожу даже сквозь одежду.

— Не смей вмешиваться, — произнес Ключник. Его голос был шелестящим, безжизненным, как сухие листья на ветру. — Эти двое не должны встретиться. Закон баланса незыблем.

Элиза бросила взгляд на незнакомца, распростертого на земле. Его глаза встретились с её глазами. В них был не просто шок. В них было узнавание и яростное, отчаянное сопротивление. Он был её врагом и одновременно… самым родным существом на свете. Это противоречие рвало душу пополам.

— Беги! — прошипела Нингаль, вставая со скамейки. Её фигура начала меняться: контуры поплыли, из-под подола выметнулись клубы черного дыма, похожие на щупальца. — Я задержу Ключника, но сил у меня немного. Вы должны уйти. Он не может вас убить, пока вы не встретились по-настоящему, но он может навредить вам, искалечить и сделать так, чтобы вы забыли друг друга. Уходите сейчас же!

Элиза колебалась лишь долю секунды. Всё в ней кричало: «Помоги ему! Подойди!». Но страх пересилил. Всхлипнув, она подхватила полы пальто и бросилась прочь, в западную часть парка. Каждый шаг отзывался тупой, ноющей болью в груди, словно от неё отрывали кусок плоти.

Итан, превозмогая боль, поднялся на ноги. Он видел, как девушка убегает прочь. Он видел, как амулет на её шее мигнул прощальным фиолетовым светом и погас, скрываясь за поворотом аллеи. Ярость душила его.

— Я найду тебя! — закричал он ей вслед. — Слышишь? Я найду тебя, чего бы мне это ни стоило!

Ключник повернулся к Итану. Его белесые глаза были абсолютно бесстрастны.

— Ты ничего не знаешь о том, чего это тебе будет стоить, наследник Блэквудов. Иди домой. Пока я позволяю тебе уйти.

Нингаль выбросила вперед руку, и между Ключником и Итаном выросла стена черного, клубящегося дыма. Запахло паленым, земля содрогнулась. Итан хотел было броситься сквозь дым, но его тело словно сковало параличом. Он мог только смотреть.

— Еще не время, юноша, — донесся до него голос Нингаль. — Ты должен подготовиться. И она тоже. Отныне Ключник будет за вами охотиться. Каждый раз, когда вы будете приближаться друг к другу, он будет вас находить. Запомни мои слова: ищи союзников. Таких, как я, Хранителей. И береги амулет. Он — компас.

А затем дым рассеялся, и на аллее не осталось никого. Только ошеломленный Итан Блэквуд, стоящий в одиночестве, с обожженной грудью и с сознанием, что его упорядоченный, контролируемый мир только что рухнул в бездну.

Элиза выскочила из парка на Коламбус-серкл, задыхаясь и хватая ртом холодный воздух. Слезы — злые, бессильные — катились по щекам. Она не понимала, почему плачет. Она ведь спаслась? Но ощущение потери было почти невыносимым. Словно она нашла нечто невероятно ценное, и это ценное сейчас вырвали у неё из рук.

К ней шагнул какой-то парень с туристической картой, но, увидев её лицо, тут же отпрянул. Элиза прислонилась к фонарному столбу и зажмурилась.

И в тот же миг перед её внутренним взором вспыхнула картинка. Та самая, что была во сне: старинный особняк на скале над морем. Но теперь она видела его отчетливее. Над входом красовалась вывеска: «Блэквуд-Холл». А внутри, в слабо освещенном холле, горел камин, и над ним висел портрет женщины. У женщины в ушах были серьги с двумя аметистами, а на шее — амулет. Точная копия её собственного.

Видение длилось меньше секунды, но оставило в сознании четкий, выжженный отпечаток.

«Блэквуд-Холл».

«Ищи союзников. Таких, как я, Хранителей».

Она не знала, что это значит. Но одно Элиза поняла абсолютно точно: ей предстоит долгий путь. И на этом пути она ещё не раз столкнется с темноглазым мужчиной, который сейчас,

так же как она, стоит по другую сторону города и смотрит в небо с единственной мыслью: «Кто ты?»

Итан не пошел домой. Он зашагал в сторону публичной библиотеки. Если он Блэквуд, то в истории рода должны быть ответы. И он найдет их первым.

Их разлучили. Но игра только началась.

Глава 4: «Хранительница из Бруклина»

Дождь снова вернулся. Он барабанил по стеклам кофейни «У Луиджи», где Элиза просидела почти час, сжимая в ладонях уже остывшую чашку американо. Перед ней на столе лежала смятая бумажка — та самая, что вылезла из принтера в типографии: «Ищи того, кто носит твое сердце в камне. Начни с Центрального парка…»

Она пошла. И нашла. И почти коснулась его.

А потом все разлетелось вдребезги. Ключник. Черный дым. Полубезумная старуха Нингаль, превращающаяся в клубящееся нечто.

«Беги, дитя. Беги».

И она сбежала. Трусливо бросила того мужчину — Итана Блэквуда, — лежащего на земле, и сбежала. Чувство вины жгло изнутри сильнее, чем амулет. Элиза провела пальцами по цепочке. Металл был теплым, но больше не пульсировал. Он словно затаился. Выжидал.

— Выпей, — раздался тихий голос над ухом.

Элиза вздрогнула. Тот самый пожилой латиноамериканец, утренний бариста, поставил перед ней новую чашку. От нее поднимался пар и пахло незнакомыми травами — горько, пряно, с нотками шалфея и чего-то еще, смолистого.

— Я не заказывала…

— Это не кофе, — мягко перебил он, усаживаясь напротив. Добрые, печальные глаза смотрели на нее изучающе. — Это чай «Память корней». Моя бабушка заваривала его, когда ждала вестей от мертвых.

Элиза отодвинула чашку. Ей только бабушкиных суеверий сейчас не хватало.

— Послушайте, мистер… э-э-э…

— Луиджи, — улыбнулся он одними глазами. — Да, тот самый Луиджи. Эта кофейня моей семьи уже девяносто лет. И все девяносто лет мы ждали, что кто-то вроде вас зайдет сюда с этой вещью на шее.

Элиза напряглась. Рука сама дернулась к амулету, закрывая его ладонью.

— Вы знаете, что это?

— Я знаю, что это проклятие и благословение в одном куске металла, — Луиджи откинулся на спинку стула. Его лицо, изрезанное морщинами, стало серьезным. — Мы, семья Родригес, родом не из Пуэрто-Рико, как записано в документах. Наша кровь древнее. Мы из Месопотамии. Из Ура Халдейского. И мы — Хранители.

— Хранители? — эхом повторила Элиза. — Та женщина в парке… Нингаль, она сказала…

— Нингаль? — брови Луиджи поползли вверх. — Ты встретила Нингаль? Значит, дела хуже, чем я думал. Нингаль — последняя из Высокого Круга. Если она показалась тебе лично, значит, баланс нарушен сильнее, чем когда-либо за последние три тысячи лет.

Элиза почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Три тысячи лет? О чем вы говорите? Что это за амулет? Почему я? Почему он?

— Тсс, — Луиджи поднял морщинистую ладонь. — Вопросы правильные. Но сначала выпей чай. Ты измотана, а впереди долгий разговор. Чай поможет унять дрожь.

На этот раз Элиза послушалась. Она поднесла чашку к губам и сделала маленький глоток. Вкус был странным: горьким в начале и неожиданно сладким, медовым — в конце. Тепло разлилось по телу, унимая внутреннюю дрожь, которую она даже не замечала. В голове прояснилось, словно кто-то протер запотевшее стекло.

— Хорошо, — выдохнула она. — Рассказывайте. Все с самого начала.

Луиджи помолчал, собираясь с мыслями. За окном шумел дождь. В кофейне больше никого не было — казалось, весь мир сузился до их столика и тусклой лампы над ним.

— Начало было не здесь, — произнес он наконец. — Не в Нью-Йорке. Даже не в этом тысячелетии. Все началось в Шумере, между Тигром и Евфратом, в городе Ур. Тогда миром правили другие законы. Боги ходили среди людей. И среди этих богов была Инанна — Царица Небесная, богиня любви и войны. Противоречивая, яростная и прекрасная.

Луиджи протянул руку и коснулся амулета Элизы кончиком пальца. В тот же миг камень вспыхнул и погас, словно откликнулся на прикосновение Хранителя.

— Инанна полюбила смертного. Пастуха по имени Думузи. Но боги не терпят, когда кто-то из них опускается до любви к праху земному. Энлиль, Владыка Ветра, проклял их союз. Он вырвал сердце Инанны и разбил его на две половины. Одну оставил ей, другую — Думузи. «Отныне, — сказал он, — ваши души будут вечно искать друг друга в круговороте перерождений, но никогда не смогут воссоединиться. Ибо когда они встретятся, рухнет баланс между мирами».

— Это легенда о происхождении амулетов? — прошептала Элиза.

— Не просто легенда, — Луиджи посмотрел ей прямо в глаза. — Инанна была не просто женщиной. Она была порталом. Существом, чья любовь могла менять реальность. В буквальном смысле. Когда её сердце разбили, его половинки застыли в виде камней. Два амулета. В каждом — половина силы. Ты носишь одну. Мужчина, которого ты видела в парке, другую. Пока вы порознь, амулеты приносят удачу, защиту, везение — все то, что люди называют «благословением». Но их истинная мощь спит.

— А если мы… соединимся?

— Если вы встретитесь по-настоящему, если полюбите друг друга и — внимание — скрепите союз физически, сила проснется полностью. Тогда, согласно пророчеству, вы двое станете единым целым. Ваши жизни синхронизируются. К вам потекут богатства, власть, защита. Сам мир будет подчиняться вашей воле. Вы станете новой Инанной и новым Думузи.

Элиза потрясенно молчала. В голове не укладывалось. Она — перерожденная богиня? Он — пастух? Абсолютный бред. Но отрицать происходящее она больше не могла.

— А Ключники? — спросила она тихо. — Кто они?

Луиджи помрачнел.

— Орден, основанный Энлилем. Их задача проста: не допустить вашего соединения. Тысячи лет они выслеживали носителей амулетов и убивали их до того, как те успевали встретиться. Но амулеты всегда находили новых хозяев. Каждое поколение — новая попытка.

— Они убили бы меня сегодня? — голос Элизы дрогнул.

— Ключник не может убить носителя, пока амулеты не активированы полностью. Но он может навредить. Внушить страх. Разлучить. Заставить забыть. Их цель — оттягивать встречу веками. Иногда им это удавалось. Десятки раз в истории амулеты почти соединялись, но Ключники вмешивались. Александрия, Рим, Лондон времен чумы, Парижская коммуна… всегда одно и то же.

Элиза допила чай. Руки больше не дрожали. На смену страху пришла холодная, стальная решимость.

— Где он сейчас? — спросила она.

— Ключник или молодой человек?

— Итан Блэквуд.

Луиджи улыбнулся уголками губ.

— Значит, ты уже знаешь его имя. Хорошо. Это ускоряет дело. — Он достал из кармана фартука сложенный вчетверо листок бумаги и протянул ей. — Пока ты сидела здесь, я навел справки через нашу сеть. Итана Блэквуда найти нетрудно — его семья владеет половиной небоскребов в Мидтауне. Но сейчас его нет в городе.

— Что? — сердце Элизы рухнуло в пятки.

— Он уехал сегодня вечером. В фамильное поместье Блэквуд-Холл, в Массачусетс. Похоже, он тоже начал свое расследование.

Элиза развернула листок. Там было написано всего несколько слов:

«Блэквуд-Холл, Уитби-Рокс, Массачусетс. Поезд с Центрального вокзала, 8:45 утра. Билет уже оплачен».

— Вы купили мне билет?

— Нет, — Луиджи покачал головой. — Это сделала Нингаль. Она прислала курьера, пока мы разговаривали. — Он кивнул на окно, за которым промелькнула тень. — Высокий Круг пришел в движение, девочка. Это значит, что на этот раз все серьезно. Возможно, это последний цикл. Последний шанс для амулетов.

Элиза сжала бумажку в кулаке. Страх никуда не ушел — он затаился где-то в животе, холодный и липкий. Но рядом с ним теперь пульсировало другое чувство. Азарт. Предвкушение. Жажда.

— Я поеду, — сказала она твердо. — Но вы должны мне помочь. Расскажите все, что знаете об амулетах. Как ими пользоваться? Чего ждать? Как защититься от Ключника?

Луиджи встал и направился к стойке. Из-под прилавка он достал небольшую жестяную коробку, перевязанную выцветшей лентой. Вернувшись, он аккуратно поставил её на стол.

— Здесь дневник моей прабабки, Исабель Родригес. Она была Хранительницей в прошлом цикле, в 1890-х годах. Тогда амулеты были у двух женщин — художницы из Гринвич-Виллидж и дочери банкира с Пятой авеню. Они почти соединились. Их история… трагическая, но поучительная. Прочти в поезде. Там же есть заклинания защиты — простые, бытовые, но против низших слуг Ключника они работают.

Элиза взяла коробку. Она была легкой, но ощущалась невероятно тяжелой — словно внутри были не пожелтевшие страницы, а свинец.

— Почему вы мне помогаете? — спросила она, заглядывая в глаза Луиджи. — Вы меня даже не знаете.

Старик долго молчал, глядя в окно на струи дождя. Потом перевел взгляд на амулет Элизы, и в его глазах блеснула влага.

— Потому что в прошлом цикле Исабель не успела помочь своим носительницам. Их нашли Ключники. Одну заперли в сумасшедший дом, где она умерла от «несчастного случая». Вторая выбросилась из окна. Амулеты были утеряны на сто лет. — Он тяжело вздохнул. — Я не хочу, чтобы это повторилось. Хватит смертей. Может быть, ты и этот парень, Итан, станете теми, кто наконец разорвет круг.

Элиза встала. Она спрятала коробку в сумку, застегнула пальто и направилась к двери. У порога обернулась.

— Луиджи, а что будет с Ключником? Он ведь не отстанет?

Старик медленно кивнул.

— Он пойдет за тобой. В Массачусетсе ты будешь на его территории. Будь осторожна, Элиза Морган. И помни: амулет — не просто украшение. Он живой. Он будет тебя направлять. Слушай его.

Элиза вышла под дождь. Холодные капли ударили по лицу, но она почти не чувствовала их. В голове шумело от информации. Шумерские боги. Перерожденные души. Трехтысячелетний заговор. И мужчина со стальными глазами, которого она уже почти встретила и которого теперь ей предстоит найти заново.

В кармане пальто лежал билет до Массачусетса. Поезд в 8:45 утра.

Она не знала, что ждет её в Блэквуд-Холле. Не знала, захочет ли Итан вообще её видеть после того, как она сбежала. Но амулет на груди снова начал тихо пульсировать, посылая волны тепла по телу, и это тепло было похоже на шепот:

«Найди его. Найди. Мы ждали три тысячи лет. Мы не можем больше ждать».

Где-то далеко, за сотни миль отсюда, на пустынном полустанке в Массачусетсе, Итан Блэквуд вышел из вагона под моросящий дождь. В одной руке он держал саквояж, в другой — старинный ключ от Блэквуд-Холла, найденный в отцовском сейфе. Амулет под рубашкой снова запульсировал, и этот ритм был быстрее, чем обычно.

Кто-то приближался.

Глава 5: «Блэквуд-Холл и его тайны»

Блэквуд-Холл встретил Итана тишиной. Она была не просто отсутствием звуков — она была густой, вязкой, как патока. Старинное поместье из серого камня, построенное его прапрадедом в 1870-х, возвышалось на скалистом утесе над Атлантикой. Океан внизу дышал тяжело, с присвистом, словно огромный спящий зверь. Волны лизали черные камни, а соленый ветер выл в печных трубах, создавая иллюзию, что дом стонет.

Итан бросил саквояж в холле и зажег газовый фонарь — электричество здесь было, но работало с перебоями, особенно в шторм. Пламя дрогнуло, отбросив на стены гигантские, пляшущие тени.

— Ну здравствуй, родовое гнездо, — пробормотал он, оглядываясь.

Холл был огромен. Двойная лестница вела на второй этаж, стены украшали портреты предков в тяжелых золоченых рамах. Блэквуды смотрели на своего наследника с холстов: суровые мужчины в сюртуках, женщины с высокими прическами и пустыми, но властными глазами. Итан никогда их не любил. В детстве ему казалось, что они следят за ним.

Особенно один портрет. Он висел над камином — тот самый, из её видения.

Женщина на нем была не похожа на других. Ее волосы цвета воронова крыла были распущены, ниспадая на плечи. Глаза — болотные, с глубоким, затягивающим взглядом. В ушах — серьги с аметистами. А на шее, на простом кожаном шнурке, висел амулет. Точная копия его собственного.

— Кто ты? — прошептал Итан, подходя ближе.

Табличка под портретом гласила: «Лилиан Блэквуд, 1853—1899».

Его прабабка. Женщина, о которой в семье никогда не говорили. Словно её вычеркнули из истории. Итан помнил только смутные обрывки, услышанные в детстве: «Она была странная… Говорила с духами… Умерла молодой при загадочных обстоятельствах».

Амулет на его груди запульсировал сильнее, когда он смотрел на портрет. Словно узнавал. Словно приветствовал старую знакомую.

— Значит, ты тоже была носительницей, — Итан провел пальцами по кожаному шнурку. — Что с тобой случилось? Почему ты не соединилась со своей парой?

Портрет молчал. Но ветер за окном взвыл громче, и где-то наверху хлопнула дверь.

Итан вздрогнул. В доме никого не должно быть. Смотритель жил в деревне, в миле отсюда, и появлялся раз в неделю. Он взял фонарь и медленно поднялся по лестнице, ступеньки жалобно скрипели под ногами.

На втором этаже было темно. Длинный коридор уходил во мрак, запах пыли и старого дерева щекотал ноздри. Дверь в конце — библиотека, как он помнил — была приоткрыта. Оттуда, из щели, пробивался слабый, колеблющийся свет. Свеча.

— Кто здесь? — голос Итана прозвучал громче, чем он хотел.

Никто не ответил. Он толкнул дверь.

Библиотека была пуста. Огромная комната, заставленная стеллажами до потолка, с приставной лестницей на колесиках и камином, в котором кто-то совсем недавно развел огонь. На столе горела одинокая свеча, а рядом с ней лежала раскрытая книга в истертом кожаном переплете.

Итан подошел и опустил фонарь. Книга была написана от руки. Дневник. Почерк — женский, изящный, но угловатый, словно писавшая его женщина то и дело сдерживала дрожь в пальцах. Последняя запись была датирована 2 ноября 1899 года.

Он прочел вслух:

«Он близко. Я чувствую его приближение каждой клеткой тела. Амулет больше не спит — он пульсирует днем и ночью, он снится мне в кошмарах и наяву. Его имя — Виктор, и я знаю, что он едет ко мне из Бостона. Но Ключник тоже здесь. Сегодня утром я видела его в деревне, он притворялся торговцем рыбой. Глаза выдали его — белесые, мертвые. Боже, дай мне сил. Я не знаю, как защититься. Нингаль молчит. Хранители не отвечают на письма. Неужели это конец?»

Итан перевернул страницу. Следующая запись была последней, всего два слова, нацарапанных в спешке, почти неразборчиво:

«Они здесь».

Дальше шли пустые страницы. Лилиан Блэквуд умерла на следующий день. «Несчастный случай» — падение с утеса. Так гласила семейная легенда.

— Нет, — прошептал Итан, захлопывая дневник. — Тебя убили. Так же, как пытались убить нас в парке.

В этот момент амулет на его шее дернулся с такой силой, что Итана качнуло. Камень вспыхнул фиолетовым, отбрасывая на стены пляшущие тени. Итан схватился за косяк двери, чтобы не упасть. Перед глазами на мгновение мелькнула картинка: поезд, несущийся сквозь дождь, и в нем — девушка с медовыми волосами, прижимающая руку к груди. Та самая. Она была в пути. Она ехала к нему.

— Она здесь, — выдохнул Итан. — Она едет сюда.

Он бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, схватил пальто и выскочил под дождь. До станции было две мили по размытой грунтовой дороге. Успеет ли он?

Поезд дернулся и остановился.

Элиза выглянула в окно. Среди дождя и тумана виднелся крошечный полустанок с деревянной платформой и покосившейся вывеской: «Уитби-Рокс». Восемь часов пути от Нью-Йорка, пересадка в Бостоне, и вот она на месте. Вокруг — ни души.

Она вышла из вагона, кутаясь в пальто. Холодный атлантический ветер ударил в лицо, пробирая до костей. На платформе стоял лишь один человек — старик в рыбацкой зюйдвестке, сгорбленный, опирающийся на трость.

— Вы, должно быть, мисс Морган, — проскрипел он. — Мистер Блэквуд прислал меня встретить вас.

Элиза нахмурилась. Итан Блэквуд знал о её приезде? Откуда? Неужели амулеты передают информацию друг другу?

— Где он? — спросила она, оглядываясь. — Я думала, он сам придет.

— Занят, — коротко ответил старик, поворачиваясь к ней спиной. — Садитесь в экипаж. Я отвезу вас в поместье.

Элиза колебалась лишь секунду. Луиджи сказал: «Слушай амулет». Но амулет сейчас вел себя странно — он не пульсировал радостно, как в парке, а сжимался холодным комком, словно предупреждая об опасности.

Она шагнула к экипажу — старой, крытой повозке с впряженной в нее вороной лошадью. Старик уже сидел на козлах и протягивал ей руку.

— Садитесь, мисс. Дорога дальняя.

Элиза взялась за его ладонь и тут же отдернула руку — пальцы старика были ледяными. Не просто холодными от ветра, а мертвенно-холодными, словно у трупа. Она подняла глаза и встретилась с его взглядом. Из-под полей зюйдвестки на нее смотрели белесые, полностью лишенные радужки и зрачка глаза. Мертвые глаза. Глаза, которые она уже видела раньше.

Ключник.

Элиза отпрыгнула назад. Сердце заколотилось где-то в горле. Старик медленно, неестественно плавно спустился с козел и сделал шаг к ней. Его фигура начала меняться: сгорбленность исчезла, плечи распрямились, зюйдвестка упала на мокрые доски платформы. Перед ней стоял тот самый человек из парка. Высокий, закутанный в черное, с пустым лицом без возраста и пола.

— Глупая девочка, — произнес он своим шелестящим голосом. — Ты думала, я позволю тебе доехать до него? В прошлый раз мне помешала Нингаль. Но здесь её нет. Здесь мои земли. Моя сила.

Элиза попятилась, пока не уперлась спиной в стену станционного домика. Бежать было некуда. Позади — запертая дверь, впереди — наступающий Ключник.

— Что тебе нужно? — выкрикнула она, пытаясь придать голосу твердость. — Убьешь меня? Ты сам сказал — ты не можешь причинить мне вред!

— Убить — нет, — согласился Ключник, останавливаясь в двух шагах. — Но я могу сделать так, что ты забудешь. Или еще лучше — разлюбишь. Есть простое заклинание, девочка. Оно выжигает связь между амулетами. Вы оба останетесь живы, здоровы, богаты. Но никогда не найдете друг друга. Пройдете мимо, как чужие. Как это случалось десятки раз до вас.

Он поднял руку, и в его пальцах заискрилась черная, маслянистая субстанция, похожая на сгусток тьмы.

Элиза зажмурилась. В голове пронеслась короткая молитва — она не была религиозной, но сейчас слова пришли сами: «Помоги мне. Кто-нибудь. Пожалуйста».

И помощь пришла.

Крик ворона разорвал тишину. Черная птица спикировала из туч и ударила Ключника прямо в лицо, целясь в белесые глаза. Ключник взмахнул руками, темная субстанция сорвалась с пальцев и ушла в землю, зашипев, как кислота. Ворон сделал круг и сел на вывеску «Уитби-Рокс», глядя на Элизу умными, слишком человеческими глазами.

— Нингаль! — прошипел Ключник, зажимая расцарапанную щеку. — Ты не посмеешь…

Ворон каркнул снова, и из его клюва вырвался сноп золотых искр. Искры упали на доски платформы и вспыхнули, создавая огненный барьер между Элизой и Ключником.

— Беги, дитя, — раздался в голове у Элизы голос Нингаль. — В лес. Иди на свет амулета. Только не к дому, не к Блэквуд-Холлу — Ключник ждет вас там обоих. Итан уже идет сюда другой дорогой. Я задержу это ничтожество, сколько смогу. Беги!

Элиза не заставила просить дважды. Она подхватила саквояж и бросилась в лес, огибая станцию. Ветки хлестали по лицу, ноги проваливались в мокрый мох, но она бежала, бежала, пока не закололо в боку и не перехватило дыхание. Позади что-то грохотало, сверкали вспышки — то ли молнии, то ли магические разряды.

Наконец она остановилась, хватая ртом воздух. Лес вокруг был темным и незнакомым. Огромные сосны качались на ветру, скрипя стволами. Амулет на груди слабо светился фиолетовым, и этот свет указывал куда-то влево, вниз по склону, к океану.

Она пошла на свет.

— —

Итан мчался по размытой дороге, когда его амулет внезапно сменил ритм. Пульсация стала хаотичной, тревожной, и в груди вспыхнула боль — не его собственная, а отраженная. Ей страшно. Ей больно. Она в опасности.

Он прибавил шаг, почти побежал, несмотря на скользкую грязь под ногами. До станции оставалось меньше мили, когда на дорогу перед ним выскочила фигура.

— Стой! — крикнул женский голос.

Итан затормозил, едва не поскользнувшись. Перед ним стояла девушка. Рыжие волосы мокрыми прядями прилипли к лицу, глаза — дикие, испуганные. Она была одета в непонятное тряпье и тяжело дышала, словно тоже бежала от кого-то.

— Ты Итан Блэквуд? — выпалила она.

— Кто ты такая? Откуда знаешь мое имя? — он шагнул к ней.

— Нет времени объяснять! — она схватила его за руку, и хватка ее была сильной, цепкой. — Меня зовут Роуз. Я служанка в доме твоей прабабки Лилиан. Вернее… была ею.

— Что за чушь? Лилиан умерла больше ста лет назад!

— Я знаю! — в её голосе прозвучало отчаяние. — Послушай, я не могу объяснить сейчас, но ты должен поверить мне. Ключник — он на станции. Если ты пойдешь туда, ты попадешь в ловушку. Твоя девушка… Элиза… она уже сбежала в лес. Нингаль прикрыла её. Ты должен найти её там, у старого маяка. Идите туда вместе. Маяк — безопасное место, Ключник не может войти туда.

Итан уставился на нее. Роуз дрожала от холода, но в её зеленых глазах горел огонь искренности. И еще что-то… вина?

— Почему я должен тебе верить?

Роуз опустила глаза.

— Потому что я одна из тех, кто предал Лилиан. Меня заставили. Ключники пообещали мне вечную жизнь, если я помогу им разлучить Лилиан и Виктора. Я согласилась, — по её щеке скатилась слеза. — И они сдержали слово. Я живу уже сто тридцать лет, прислуживая новым поколениям Ключников, видя, как они раз за разом губят невинных. Я больше не могу. Я хочу искупить свою вину. Пожалуйста, поверь мне сейчас и спаси её. Потом я расскажу все.

Амулет на груди Итана запульсировал. В этом ритме был ответ. Верь ей. В ней раскаяние.

— Где старый маяк? — спросил он.

— Иди по тропе вдоль утеса, на юг. Полмили. Увидишь свет — он горит, даже когда выключен. Это маяк Хранителей. Иди!

Итан не стал больше ждать. Он свернул с дороги и нырнул в лес, туда, где амулет подсказывал направление. Ветки хлестали его, дождь заливал лицо, но он не останавливался.

Только бы успеть. Только бы она была там.

Роуз смотрела ему вслед, пока его фигура не скрылась за деревьями. Потом она вздохнула, вытерла слезы и повернулась к станции, где все еще грохотали магические разряды.

— Прости меня, Лилиан, — прошептала она в пустоту. — Я пытаюсь все исправить.

— —

Элиза набрела на маяк спустя полчаса блужданий по лесу. Он стоял на краю утеса, старый, заброшенный, увитый плющом. Но что-то в нем было странное: фонарь на вершине не горел, но внутри маяка, на уровне земли, мерцал тусклый золотистый свет, словно приглашая войти.

Дверь была приоткрыта. Элиза, дрожа от холода и напряжения, шагнула внутрь.

И замерла на пороге.

Внутри было тепло. У стен стояли старые сундуки и книги. На столе горела масляная лампа. А у окна, спиной к ней, стоял человек в сером пальто. Он обернулся на звук шагов, и Элиза увидела его лицо.

Красивое. Уставшее. С этими самыми стальными глазами, которые преследовали её в снах.

— Вы… — выдохнула она.

— Ты, — произнес он одновременно с ней.

Амулеты на их грудях вспыхнули одновременно, и в маяке стало светло как днем. Фиолетовое сияние смешалось с золотым, и на мгновение Элизе показалось, что она слышит музыку — древнюю, как мир, и прекрасную, как первая любовь.

Но прежде чем кто-либо из них успел сделать шаг навстречу, дверь маяка с грохотом захлопнулась за её спиной. Снаружи раздался леденящий душу смех.

— Думали сбежать? — голос Ключника звучал снаружи, искаженный ветром и магией. — Маяк защищает вас, да. Но вы не можете оставаться там вечно. А когда выйдете — я буду ждать. И Роуз, предательница, ответит за свое вмешательство.

Итан шагнул к двери, но Элиза схватила его за руку.

— Не надо, — прошептала она. — Он только этого и ждет.

Итан остановился и посмотрел на её руку, сжимающую его запястье. Тепло от её пальцев пронзило его до самого сердца.

— Ты в порядке? — спросил он тихо.

— Теперь да, — ответила Элиза и впервые за долгое время улыбнулась.

Они были в ловушке. Но по крайней мере, в ловушке вместе.

Глава 6: «Свет в шторме»

Тишина внутри маяка была почти осязаемой. Она обволакивала, как толстое одеяло, приглушая даже шум океанских волн, разбивающихся о скалы внизу. Единственными звуками были их дыхание — сбивчивое, неровное — и треск масляной лампы на столе.

Элиза все еще держала его за руку. Итан смотрел на её пальцы, тонкие, побелевшие от напряжения, сжимающие его запястье, и чувствовал, как тепло от её прикосновения расходится по всему телу, прогоняя холод, который преследовал его с самого Нью-Йорка. Амулет под рубашкой пульсировал ровно, спокойно, словно удовлетворенно мурлыкающий кот.

— Ты держишь меня за руку, — произнес он наконец.

Элиза тут же отдернула ладонь, словно обжегшись. Щеки залились краской.

— Извини… я не… просто…

— Я не жалуюсь, — уголок его губ дрогнул в подобии улыбки. — Если бы не ты, я бы уже бросился на этого урода с голыми кулаками.

— И он бы тебя уничтожил, — Элиза перевела дыхание, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. — Поверь, я видела, на что он способен.

Они стояли в двух шагах друг от друга, рассматривая один другого при свете лампы. Итан выглядел иначе, чем в парке: более уставшим, более земным. Мокрые от дождя волосы прилипли ко лбу, на скуле алела свежая царапина от ветки, но глаза — те самые стальные глаза — смотрели на неё с такой интенсивностью, что у Элизы перехватывало дыхание.

— Элиза, — произнес он её имя медленно, словно пробуя на вкус. — Я не знал твоего имени до сегодняшнего вечера. Но я знал, что ты существуешь. Знал с того самого момента, как надел эту штуку.

— Итан Блэквуд, — ответила она в тон ему. — Я тоже знала. И я приехала за тобой из Нью-Йорка. Хотя, если честно, понятия не имею, что делаю.

Он коротко рассмеялся. Смех был невеселым, но в нем прозвучало облегчение.

— Добро пожаловать в клуб. Я, наследник многомиллионной империи, стою в заброшенном маяке с незнакомкой, которую преследует бессмертный маг, и при этом чувствую себя… правильнее, чем когда-либо в жизни.

Элиза обхватила себя руками. Пальто промокло насквозь, и озноб возвращался.

— Нам надо… обсудить все. Я знаю кое-что об амулетах. Луиджи рассказал мне.

— А я знаю кое-что о Ключниках и о своей прабабке, — Итан стянул пальто и, поколебавшись долю секунды, накинул ей на плечи. — Ты замерзла. Здесь должен быть камин.

Он отвернулся, оглядывая помещение. Маяк был старым, но не заброшенным — кто-то поддерживал его в порядке. Вдоль круглых стен стояли сундуки с медными замками. На полках — книги в кожаных переплетах, свечи, пучки сухих трав. В углу обнаружился небольшой железный очаг и аккуратно сложенные дрова.

— Тот старик на станции сказал правду? — спросила Элиза, глядя, как Итан разжигает огонь. — Ты прислал его встретить меня?

— Я никого не присылал. — Его голос стал жестким. — Я вообще не знал, что ты приедешь, пока амулет не показал мне тебя в поезде. Это была ловушка Ключника с самого начала.

— Значит, он знал, что я приеду, еще до того, как я купила билет, — Элиза опустилась на старый деревянный стул у очага. — Он может знать наши мысли?

— Не мысли. — Итан выпрямился, вытирая руки. — Я читал дневник Лилиан. Она писала, что Ключник чувствует амулеты. Чем ближе они друг к другу, тем сильнее сигнал. Для него это как… запах. Или звук. Мы для него — два маяка, которые он всегда видит.

Элиза вздохнула и достала из саквояжа жестяную коробку Луиджи.

— Тогда у нас мало времени. Давай делиться информацией.

Следующий час пролетел как одно мгновение. Они сидели у огня, передавая друг другу реликвии: дневник Исабель Родригес с одной стороны и дневник Лилиан Блэквуд с другой. Слова, написанные женщинами, которых разделял океан и десятилетия, складывались в единую картину, пугающую и захватывающую.

Элиза рассказала ему про Шумер, про Инанну и Думузи, про расколотое сердце и пророчество. Про то, что их души перерождаются снова и снова, всегда находя друг друга, но всегда разлучаемые Ключниками.

Итан рассказал ей про Лилиан. Про её одиночество в огромном доме, про тайные исследования, про Хранителей, которые не успели прийти на помощь, и про Виктора — человека, которого Лилиан любила и который погиб вместе с ней в ту штормовую ночь 1899 года.

— Их сбросили с утеса, — тихо произнесла Элиза, закрывая дневник Лилиан. — Обоих. И выдали за несчастный случай. А амулеты забрали.

— Мой хранился в семье, — Итан коснулся своего амулета. — От отца к сыну, пока не попал ко мне. А твой?

— Пропал на сто лет. Луиджи сказал, что после смерти тех двух женщин, в прошлом цикле, амулеты были утеряны. Мой нашелся только недавно, в какой-то антикварной лавке. Нингаль ждала, пока я приду за ним.

Итан поднял голову.

— Нингаль. Это та женщина, что продала его тебе? И та, что спасла нас в парке?

— Да. Она Хранительница. Из Высокого Круга, как выразился Луиджи. И она… — Элиза замялась, подбирая слова. — Она больше, чем человек. Я видела, как она превратилась в ворона. А её голос звучал у меня в голове.

— Значит, у нас есть союзники, — Итан поднялся и подошел к окну. Снаружи бушевал шторм, но маяк стоял непоколебимо. — Вопрос в том, сколько их и как с ними связаться.

— Луиджи — один из них. Он дал мне эту коробку и сказал: «Слушай амулет». И еще он сказал, что маяк — безопасное место. Ключник не может войти сюда.

— Почему? — Итан обернулся. — Что такого в этом маяке?

Вместо ответа оба амулета одновременно вспыхнули. Фиолетовый свет и золотой слились воедино, и луч ударил в центр каменного пола, где была вырезана едва заметная спираль. Символ засветился, и плита медленно, со скрежетом, сдвинулась в сторону, открывая узкую лестницу, уходящую вниз, в темноту.

— Что за… — выдохнула Элиза.

Итан схватил лампу и шагнул к проходу.

— Кажется, маяк хочет нам что-то показать.

Они спускались по винтовой лестнице, вырубленной прямо в скале. Стены были влажными, пахло солью и чем-то древним — ладаном, миррой, сухими травами. Ступеньки закончились в небольшой круглой комнате, которая явно находилась глубоко под землей. Здесь было сухо и тепло, а свет лампы отражался от стен, покрытых фресками.

Элиза замерла, разглядывая росписи. Это была та же история, что рассказывал Луиджи, но в цвете и деталях. Вот Инанна, прекрасная и грозная, с короной из звезд на голове. Вот Думузи-пастух, юный и светлый, глядящий на нее с обожанием. Вот Энлиль, Владыка Ветра, в облачении из молний, разбивающий сердце богини. А вот — два амулета, расходящиеся в разные стороны, к разным людям, сквозь века и цивилизации.

— Смотри, — Итан указал на последнюю фреску.

На ней были изображены двое — мужчина и женщина, стоящие на вершине маяка. Их руки сплетены, амулеты сияют, и от них во все стороны расходятся золотые и фиолетовые лучи, разгоняющие тьму. А внизу, у подножия маяка, корчатся темные фигуры, бессильные перед светом.

— Соединение, — прошептала Элиза. — Вот чего они боятся. Когда мы соединимся, Ключники потеряют силу.

В центре комнаты стоял постамент, а на нем — раскрытая книга в тяжелом окладе, похожая на старинную Библию, но гораздо древнее. Её страницы были сделаны не из бумаги, а из тончайшего пергамента. Итан осторожно перевернул несколько листов. Текст был написан на незнакомом языке, но иллюстрации говорили сами за себя.

— Это руководство, — сказал он. — Смотри, здесь показано, как использовать амулеты. Защитные круги. Поиск партнера. Обряды единения.

— Обряды единения? — Элиза заглянула через его плечо. — То есть недостаточно просто… ну… встретиться?

Итан усмехнулся, и его усмешка на мгновение стала почти мальчишеской.

— Похоже, все сложнее. Смотри, здесь три этапа. Первый — «Зов» — это когда амулеты пробудились и нашли друг друга. Это мы уже прошли. Второй — «Узнавание» — когда носители должны провести вместе определенное время, узнать души друг друга. И третий…

Он замолчал, вглядываясь в иллюстрацию.

— Что третий? — нетерпеливо спросила Элиза.

— Третий этап называется «Единение», — медленно произнес Итан. — И для него нужно… особенное место. Место силы. Здесь указано, что амулеты должны быть соединены в присутствии свидетеля из Высокого Круга Хранителей. И тогда сила активируется полностью.

— Нингаль, — выдохнула Элиза. — Она должна быть свидетелем.

— Но сначала мы должны завершить второй этап. «Узнавание». — Итан повернулся к ней. — Провести вместе время. Узнать друг друга. Похоже, Ключник, сам того не желая, играет нам на руку: сейчас мы заперты вместе как минимум до утра.

Элиза встретилась с ним взглядом. В свете лампы его глаза казались теплее, чем обычно. В них больше не было холода — только усталость и странное, зарождающееся чувство, которое она боялась назвать.

— Тогда давай узнавать друг друга, Итан Блэквуд, — тихо сказала она.

Прежде чем он успел ответить, где-то наверху раздался женский крик. Пронзительный, полный боли. Оба вздрогнули.

— Роуз, — выдохнул Итан. — Она была снаружи.

Они бросились вверх по лестнице. Но когда Итан толкнул дверь маяка, наружу было не выйти — невидимая преграда держала их внутри. А сквозь толстое стекло окна они увидели: на мокрой траве перед маяком стоял Ключник, одной рукой сжимая горло Роуз, и её тело обмякло в его хватке.

— Выходите, — произнес Ключник, и его голос прозвучал прямо у них в головах. — Выходите, или я убью её прямо сейчас. Медленно. Вы знаете, я могу. И на этот раз она не воскреснет.

Роуз слабо пошевелилась. Её губы беззвучно произнесли одно слово: «Нет».

Итан сжал кулаки. Амулет на груди обжигал кожу. Элиза схватила его за плечо.

— Если мы выйдем сейчас, мы проиграем, — прошептала она. — Он этого и ждет.

— Я не могу просто смотреть, как он её убивает! — прорычал он.

— И я не могу. Но должен быть другой способ.

И тогда амулеты снова синхронно вспыхнули. Свет от них ударил в центр комнаты, в ту самую книгу, и страницы, шелестя, открылись. Элиза бросилась к книге и увидела, как буквы на незнакомом языке на мгновение стали английскими.

— Здесь заклинание! — вскрикнула она. — Защитный круг расширенного радиуса. Мы можем накрыть им Роуз!

— Читай! — Итан подбежал к ней. — Вместе!

Они встали плечом к плечу, держа амулеты в вытянутых руках. Элиза читала слова, и каждое из них отдавалось вибрацией в камне. Итан повторял за ней, вплетая свой голос в заклинание. Свет от амулетов соединился, образовав единый луч, который пробил стену маяка и устремился к Роуз.

Ключник отшатнулся, но было поздно. Золотисто-фиолетовое сияние окутало Роуз и рвануло её из его хватки, словно невидимой рукой. Она исчезла во вспышке и в следующую секунду материализовалась прямо на полу маяка, кашляя и хватая ртом воздух.

Снаружи раздался крик ярости — нечеловеческий, полный злобы и боли.

— ВЫ ЗАПЛАТИТЕ ЗА ЭТО! — взревел Ключник. — Я РАЗРУШУ ЭТОТ МАЯК КАМЕНЬ ЗА КАМНЕМ, НО ВЫ ВЫЙДЕТЕ! Я ЖДАЛ ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ, Я ПОДОЖДУ ЕЩЕ!

Ключник взмахнул рукой, и в небе над маяком начали сгущаться черные тучи. Молния ударила в скалу рядом, и маяк содрогнулся.

Но внутри, в круге света от лампы, трое живых существ смотрели друг на друга с изумлением и облегчением. Роуз, держась за горло, поднялась на ноги.

— Спасибо, — прохрипела она. — Теперь я ваша должница навеки.

— Ты расскажешь нам все, что знаешь, — твердо сказал Итан. — Все, что скрывала.

Роуз кивнула, и в её зеленых глазах блеснули слезы.

— Расскажу. Но сначала… — она указала наверх. — Он не шутит. Ключник призовет бурю гораздо сильнее этой. У нас есть, может быть, два-три часа до того, как маяк начнет разрушаться. Мы должны найти способ убраться отсюда или уничтожить его прежде, чем он уничтожит нас.

Снова удар молнии. Снова дрожь стен. И трое внутри маяка поняли: их убежище только что превратилось в ловушку.

А часы тикают.

Глава 7: «Исповедь Роуз»

Маяк дрожал. Каменные стены, простоявшие над Атлантикой полтора столетия, гудели от ударов стихии, которую наслал Ключник. Молнии били в скалы одна за другой, и в окне было видно, как черные тучи закручиваются в воронку прямо над башней. Океан внизу ревел, вздымая волны высотой с трехэтажный дом.

Но внутри, в маленькой комнате у очага, было относительно тихо. Огонь потрескивал, масляная лампа горела ровно, а по каменным стенам струился слабый золотистый свет — защита, поставленная кем-то из Хранителей много десятилетий назад, пока еще держалась.

Роуз сидела на полу, привалившись спиной к стене. Дышала она тяжело, на шее расцветали багровые синяки от пальцев Ключника, но взгляд её зеленых глаз был ясным и полным мрачной решимости.

Элиза опустилась на стул рядом с ней, а Итан остался стоять у двери — скорее по привычке, чем из реального желания охранять выход. Все равно выйти они не могли.

— Ты обещала рассказать, — произнес он. — Все.

Роуз подняла голову. В свете лампы её лицо казалось одновременно юным и древним. Черты — двадцатилетней девушки, но в глубине глаз проступала бездна прожитых десятилетий.

— Я расскажу, — она облизала пересохшие губы. — Дайте мне воды, и я расскажу все.

Элиза подала ей фляжку из саквояжа. Роуз сделала несколько жадных глотков и начала. Её голос был хриплым, но с каждой фразой становился тверже.

— —

— Меня звали Роуз Макаллистер, когда я была живой. Я родилась в 1872 году в семье ирландских эмигрантов в Бостоне. Отец работал в порту, мать стирала белье. К шестнадцати годам я осталась сиротой, и меня взяли в услужение в дом Блэквудов. Сюда, в Уитби-Рокс.

Лилиан Блэквуд была тогда молодой женщиной, чуть старше меня. Она была… другая. Не как все леди, которых мне доводилось видеть. Она не интересовалась балами, платьями, женихами. Она читала странные книги, собирала травы в полнолуние, часами сидела на утесе и смотрела в море. Местные шептались, что она ведьма, но я таких сплетен не слушала. Лилиан была добра ко мне. Она обращалась со мной не как со служанкой, а как с младшей сестрой.

Однажды она позвала меня к себе и показала амулет. Свой амулет. Тот самый, что сейчас на тебе, Итан Блэквуд. Я и раньше видела его на её шее, но в тот день он светился. Ярко, фиолетовым светом. Лилиан была взволнована. «Он здесь, Роуз, — сказала она. — Мужчина из моих снов. Я чувствую его. Он где-то в Бостоне».

Она рассказала мне все. Про древнюю легенду, про расколотое сердце богини, про то, что где-то есть второй амулет и что если она найдет его обладателя, они смогут… ну, ты знаешь.

Она не скрывала от меня почти ничего. Я была её наперсницей, её единственной подругой в этом огромном, пустом доме.

— А Виктор? — спросил Итан. — Тот мужчина из дневника?

Роуз кивнула.

— Виктор Кроуфорд. Художник. Он жил в Бостоне, держал маленькую галерею. Он тоже видел сны. Лилиан написала ему письмо, не зная даже адреса — просто «Виктору Кроуфорду, Бостон», — и письмо дошло. Амулеты направили. Они начали переписываться. Тайно. Её отец, мистер Блэквуд, был человеком суровым и ни за что не одобрил бы связи с безродным художником.

— И тогда появился Ключник? — спросила Элиза.

— Не сразу. Сначала все было… хорошо. Они встретились здесь, в этом самом маяке. Он тогда еще работал, старый смотритель зажигал его каждый вечер. Виктор приехал под предлогом написать портрет Лилиан — мистеру Блэквуду эта идея понравилась, он любил, когда его дочери льстили. Они виделись три дня подряд. И амулеты… они пели. Лилиан говорила, что никогда в жизни не была так счастлива.

Роуз замолчала. Её пальцы сжали ткань юбки.

— А потом пришел он. Ключник. Тогда он выглядел иначе — высокий, седой, представительный, назвался антикваром. Он появился в деревне и стал задавать вопросы. Я… — её голос прервался. — Я была дурой. Молодой, наивной, тщеславной дурой.

— Что произошло? — мягко спросила Элиза.

— Он нашел меня одну, когда я шла из деревни. Заговорил по-доброму, расспрашивал о госпоже. Я пыталась не отвечать, но он… ты не понимаешь, какая сила у этого существа. Он может заглянуть в твою душу и найти там самую глубокую трещину. Он нашел мою.

— И что это была за трещина? — в голосе Итана прозвучала холодная нотка.

Роуз посмотрела ему прямо в глаза.

— Я тоже хотела любви. Я хотела того, что было у Лилиан. Я смотрела на неё и Виктора и думала: почему у неё есть это, а у меня нет? Почему я всю жизнь буду прислуживать, стирать, выносить ночные горшки и никогда не испытаю того, что испытывает она? И Ключник дал мне обещание.

— Вечная жизнь, — прошептала Элиза.

— Да. Он сказал: «Помоги мне разлучить их, и ты будешь жить вечно. Ты будешь молода и красива всегда. Ты увидишь, как рушатся империи, как меняется мир, ты переживешь всех, кто смотрел на тебя свысока». И я… я согласилась.

Роуз закрыла лицо руками. Плечи её задрожали.

— Я рассказала ему все. Где они встречаются. Когда. Я передала ему письмо, которое Лилиан написала Виктору. Я открыла ему дверь в ночь перед их побегом. Они планировали уехать вместе, начать новую жизнь. Но я предала их.

— И что случилось потом? — голос Итана был ледяным, но в нем прозвучала и тень сочувствия.

— Ключник настиг их на утесе. Не знаю точно, что произошло — я не видела, я осталась в доме. Но на следующий день их нашли на скалах внизу. Разбившихся. Амулет Лилиан исчез. Ключник забрал его. А Виктора амулет остался у него на шее, но власти сочли это простым украшением. Его похоронили с ним.

— А ты? — спросила Элиза. — Что стало с тобой?

Роуз отняла руки от лица. Её зеленые глаза были полны слез, но голос стал тверже.

— Ключник сдержал обещание. В ту же ночь он провел ритуал. Я выпила зелье и стала… такой. Бессмертной, но не живой. Я не сплю, не ем, не старею. И я служила ему. Сто тридцать лет, представляете? Сто тридцать лет я была его глазами и ушами, я находила носителей, я помогала разлучать их. Четыре цикла. Четыре пары, которым я помешала соединиться. Я говорила себе, что это просто работа. Что я ничего не чувствую. Но каждая новая смерть ложилась на мою душу свинцом.

— А Лилиан? — спросил Итан. — Ты…

— Я любила её! — выкрикнула Роуз с неожиданной силой. — Я не понимала этого тогда, я думала, что ревную к её счастью, но на самом деле я ревновала Виктора к ней. Я любила Лилиан, а погубила её. И когда я поняла это, годами позже, — она вытерла слезы тыльной стороной ладони, — я решила, что когда-нибудь все исправлю. Когда-нибудь я помогу следующим носителям. Я ждала больше века. И вот, вы здесь.

В маяке повисла тишина. Даже буря снаружи на мгновение стихла, словно прислушиваясь.

Итан медленно опустился на корточки рядом с Роуз.

— Ты сказала Ключнику, что мы здесь?

— Нет! — она яростно замотала головой. — Он сам вас нашел, я тут ни при чем. Я пришла предупредить тебя, Итан, но опоздала. А когда вы оказались заперты в маяке, я попыталась отвлечь его, чтобы он не пробил защиту.

— Это было глупо, — сказала Элиза, но без осуждения. — Ты могла погибнуть.

— Может, это было бы к лучшему, — криво усмехнулась Роуз. — Сто тридцать лет — достаточный срок для искупления.

Итан встал и подошел к окну. Буря снова усиливалась. Вспышка молнии осветила фигуру на утесе — Ключник стоял неподвижно, как статуя, и смотрел прямо на маяк.

— Он не уйдет, — сказал Итан. — Мы можем провести здесь ночь, но что дальше? У нас кончатся дрова и вода. А он будет ждать хоть сто лет.

— Есть способ, — тихо произнесла Роуз.

Элиза и Итан одновременно обернулись.

— Что?

— Маяк — не просто убежище. Это врата. Я узнала об этом много позже, когда Ключник послал меня шпионить за Хранителями. Под маяком есть туннель. Он ведет к старой церкви в деревне.

— Туннель? — Итан нахмурился. — Мы нашли подземную комнату, но другого выхода не видели.

— Потому что он скрыт магией. Его может открыть только свет амулетов, когда оба носителя действуют вместе. Вы уже сделали это один раз — когда спасли меня. Вы можете сделать это снова.

Роуз с трудом поднялась на ноги.

— Я знаю заклинание. Вернее, я знаю, где оно записано. В книге, которую вы нашли внизу.

— Постой, — Элиза шагнула к ней. — Если мы уйдем через туннель, Ключник не последует за нами?

— Туннель обрушится за вами. Это тоже магия. Он защищен от таких, как он. Но…

— Что «но»? — спросил Итан.

Роуз посмотрела на него с тоской.

— Я не смогу пойти с вами. Бессмертие, которое дал мне Ключник, — оно не позволяет мне входить в священные места. Церковь на том конце туннеля убьет меня. Или изгонит. Для меня туннель — смертельная ловушка.

— Тогда мы тоже не пойдем, — твердо сказала Элиза. — Мы не бросим тебя.

— Бросите, — Роуз слабо улыбнулась. — Потому что это ваш единственный шанс. И потому что я уже сделала свой выбор. Я искупила свою вину. Я помогла вам. Остальное — ваша битва.

Итан и Элиза переглянулись. Амулеты на их грудях слабо пульсировали, словно соглашаясь с Роуз.

— Хорошо, — произнес Итан после долгой паузы. — Что нужно делать?

Роуз подошла к открытому люку, ведущему в подземную комнату.

— Спустимся. Я покажу вам страницу. И пока буря не достигла пика — у вас есть время. Час, может, меньше. Вы должны прочитать заклинание вместе, держа амулеты сплетенными. Это откроет проход.

— А ты?

— Я останусь здесь. Встречу рассвет. Может быть, когда вы уйдете, Ключник потеряет интерес к этому месту, оставит маяк в покое. А может, и нет. В любом случае, это не ваша забота.

Элиза взяла Роуз за руку. Ладонь была холодной, но ответное пожатие — крепким.

— Спасибо тебе, Роуз Макаллистер.

— Не за что пока, — Роуз высвободила руку. — Идемте. Время не ждет.

— —

Спустившись в круглую комнату с фресками, они втроем склонились над древней книгой. Роуз быстро, уверенно перелистнула несколько пергаментных страниц — она явно знала этот фолиант хорошо. Остановилась на развороте с изображением двух фигур, стоящих в круге света, и темного прохода, открывающегося перед ними.

— Вот, — она указала на текст. — Читайте вместе. И держите амулеты соединенными.

Итан и Элиза встали лицом друг к другу. Он расстегнул ворот рубашки и вынул амулет. Она сняла свой через голову. Кожаный шнурок и серебряная цепочка переплелись, когда они поднесли камни друг к другу.

Элиза начала читать. Её голос дрожал, но слова лились уверенно, словно она знала этот язык всегда. Итан вторил ей, и его низкий баритон сливался с её сопрано в странную, гипнотическую гармонию.

Камни вспыхнули.

Свет от них ударил в стену напротив, туда, где была изображена арка между двумя деревьями. И арка на фреске ожила: камень задрожал, искривился, и в стене открылся проход. За ним была темнота — глубокая, древняя, пахнущая землей и морем.

— Получилось, — выдохнула Элиза.

Итан обернулся к Роуз. Та стояла в нескольких шагах, у подножия лестницы, и смотрела на них с выражением, которое он не мог полностью понять. Облегчение? Печаль? Зависть?

— Роуз…

— Иди, Блэквуд, — перебила она. — Иди и закончи то, что не смогла закончить Лилиан. Когда встретите Нингаль, передайте ей, что я заплатила свой долг.

— Мы еще увидимся, — сказала Элиза.

— Может быть, — улыбнулась Роуз. — Может быть, когда-нибудь. А теперь идите!

Новый удар молнии сотряс маяк. С потолка посыпалась пыль, одна из книжных полок рухнула. Защита начала сдавать.

Элиза, не отпуская амулет, первой шагнула в темноту туннеля. Итан пошел за ней, но на пороге на мгновение задержался.

— Роуз, — произнес он, — Лилиан простила бы тебя. Я знаю.

Девушка ничего не ответила. По её щекам текли слезы.

Итан шагнул в проход, и камень за ним сомкнулся с глухим, окончательным стуком. Маяк остался позади, вместе с бурей, Ключником и бессмертной служанкой, которая наконец обрела искупление.

— —

Туннель был узким и темным. Свет давали только их амулеты, которые продолжали сиять, даже разлученные. Итан шел первым, держа Элизу за руку — не потому, что боялся, а потому что не хотел потерять её в этом древнем, давящем мраке.

— Как думаешь, сколько тянется этот туннель? — спросила она.

— Не знаю. Может, милю. Может, больше.

— Итан, — Элиза сжала его пальцы. — Что мы будем делать, когда выберемся?

— Найдем Нингаль. Завершим второй этап этого безумного ритуала. И потом… потом заставим Ключника заплатить за все, что он сделал.

— Звучит как план, — в её голосе промелькнула улыбка.

Они шли молча еще несколько минут, пока впереди не забрезжил свет. Настоящий, теплый — не магический, а живой свет восхода.

— Рассвет, — сказал Итан.

Они ускорили шаг. Туннель закончился деревянной дверью, на которой был вырезан тот же символ, что на книге и на фресках. Итан толкнул её, и она открылась с легким скрипом.

Они вышли в алтарную часть старой, заброшенной церкви. Сквозь разбитые витражи лился серый утренний свет. Пахло сыростью, деревом и чем-то еще — ладаном, сохранившимся в камнях с давних времен.

— Боже мой, — прошептала Элиза. — Мы выбрались.

Она обернулась к нему, и их взгляды встретились. В этот момент — в тишине старой церкви, на рассвете, после ночи ужаса и откровений — что-то изменилось. Амулеты больше не просто пульсировали. Они гудели, создавая вокруг них двоих едва заметное сияние. Второй этап «Узнавания» начался всерьез.

Итан поднял руку и осторожно, почти невесомо коснулся её щеки.

— Мы сделаем это вместе, Элиза. До конца.

Она не ответила. Она просто смотрела на него, и в её янтарных глазах отражался свет нового дня.

Глава 8: «Деревня хранителей»

Рассвет над Уитби-Рокс был серым и промозглым, но после кромешной тьмы туннеля он казался Элизе самым прекрасным зрелищем в мире. Она стояла на пороге старой церкви, кутаясь в пальто Итана, которое все еще хранило его запах — сандал, виски и что-то хвойное, терпкое — и смотрела, как первые лучи солнца пробиваются сквозь рваные тучи над Атлантикой.

Шторм ушел. Море внизу все еще дышало тяжело, но молнии исчезли, и черная воронка над маяком рассеялась, словно её и не было.

— Думаешь, он все еще там? — спросила она, не оборачиваясь.

Итан вышел следом, отряхивая с рукавов каменную пыль.

— Ключник? Не знаю. Но если он не дурак, то уже понял, что мы сбежали. — Он оглядел церковь. — Где мы вообще?

Старая церковь стояла на окраине деревни, в полумиле от скалистого берега. Это было невысокое, приземистое здание из серого камня, увитое плющом и заброшенное на вид. Разбитые витражи, провалившаяся крыша над боковым приделом, заросший погост с покосившимися надгробиями. Но что-то в этом месте ощущалось… живым. Несмотря на запустение, воздух был теплым, а на каменных плитах пола не было ни пылинки.

— Смотри, — Элиза указала на алтарь.

На потемневшем от времени дубовом возвышении стояла зажженная свеча. Совсем свежая — воск еще не успел натечь на подсвечник. Кто-то был здесь совсем недавно.

— Доброе утро, путники, — раздался голос от входа.

Они резко обернулись. В дверях стоял старик в серой вязаной кофте и высоких рыбацких сапогах. У него было обветренное, покрытое глубокими морщинами лицо и невероятно голубые, чистые глаза, которые смотрели без опаски, но с живым, оценивающим интересом. В руках старик держал плетеную корзину с рыбой.

— Простите, если напугал, — добавил он, делая шаг внутрь. — Мое имя Тобиас Марш. Я смотритель этого места.

— Смотритель? — Итан шагнул вперед, инстинктивно заслоняя Элизу. — Церковь выглядит заброшенной.

— Так и задумано, — Тобиас усмехнулся в седые усы. — После событий 1899 года мы не афишируем свое присутствие. Сами понимаете, не все в этом мире желают нам добра.

Элиза насторожилась.

— «Мы»? Вы сказали «мы»?

Тобиас поставил корзину на скамью и, не спеша, подошел к алтарю. Снял огарок свечи, заменил его новым и только потом повернулся.

— Хранители, мисс Морган. Я говорю о Хранителях. — Он посмотрел на нее, потом на Итана. — И о вас двоих, разумеется. Мы ждали вашего появления с того самого дня, как камень Лилиан Блэквуд был украден Ключником из этого самого места.

Итан переглянулся с Элизой.

— Откуда вы знаете наши имена? И откуда знаете, что мы придем?

— Нингаль, — спокойно ответил Тобиас. — Она связалась с нами вчера ночью. Через старые каналы. Сказала, что вы прошли туннель и выйдете у церкви к рассвету. Она также просила передать, что гордится вами обоими, но пока не может присоединиться — Ключник после вашего побега пришел в ярость, и Нингаль отвлекает его на себя, уводит подальше от Уитби-Рокс.

— Она в опасности? — спросила Элиза.

— Нингаль пережила три тысячи лет и дюжину поколений Ключников, — усмехнулся Тобиас. — Она справится. А вот вы двое… — он оглядел их с ног до головы. — Вы измотаны, замерзли и явно голодны. Пойдемте в деревню. Жена приготовит завтрак, а заодно и ответит на ваши вопросы — она у нас архивариус, знает побольше моего.

Итан заколебался. Вся его натура, закаленная в мире корпоративных интриг, кричала: «Не доверяй никому!» Но Элиза уже шагнула к старику.

— Спасибо, Тобиас. Мы… мы правда устали. И нам нужны ответы.

— Тогда за мной, — старик подхватил корзину и направился к выходу. — Только уговор: в деревне не распространяйтесь, кто вы. Местные жители — простые рыбаки, они не знают о Хранителях. Для них вы — туристы из Бостона, заблудившиеся в шторм. Идет?

— Идет, — кивнул Итан.

— —

Деревня Уитби-Рокс оказалась крошечной — всего три улицы, спускающиеся к маленькой рыбацкой бухте. Дома были старыми, деревянными, крашеными в блеклые цвета: серый, пастельно-синий, выцветший белый. Ветра Атлантики выдули из них всю яркость, оставив только соль и время. Но, несмотря на внешнюю суровость, в деревне ощущалось что-то спокойное и надежное. Из труб вился дым, пахло свежим хлебом и морем, где-то лаяла собака.

Тобиас привел их к двухэтажному дому с вывеской «Морская звезда. Гостевые комнаты». Дверь открыла женщина — высокая, статная, с седыми волосами, заплетенными в длинную косу, и умными карими глазами. На ней был простой шерстяной кардиган и передник с вышивкой.

— Марта, у нас гости, — объявил Тобиас. — Те самые.

Марта всплеснула руками и, не задавая лишних вопросов, втянула обоих в дом.

— Боже, на вас лица нет! И мокрые до нитки! Садитесь к огню, я сейчас принесу сухую одежду и чай. — Она уже на ходу отдавала распоряжения мужу: — Тобиас, достань свитера из сундука в чулане! И принеси вторую корзину рыбы, эти двое явно не ели со вчерашнего дня!

Через четверть часа Итан и Элиза сидели у пылающего камина в гостевой гостиной, одетые в сухие свитера — слегка великоватые, пахнущие лавандой, — и пили обжигающий травяной чай из больших глиняных кружек. Марта хлопотала на кухне, и вскоре весь дом наполнился ароматом жареной трески, картофеля с розмарином и свежеиспеченных булочек.

— Вы не представляете, как это сейчас нужно нам, — призналась Элиза, принимая тарелку.

— Представляю, дорогая, — Марта присела напротив, подперев рукой подбородок. — Я читала дневники Исабель Родригес. Знаю, через что проходят носители. Голод, холод, страх — это только начало пути.

— Исабель? — Элиза чуть не поперхнулась чаем. — Вы знали Исабель?

— Знала? — Марта мягко улыбнулась. — Исабель была моей прабабкой. В нашей семье женская линия всегда была Хранительницами. Тобиас — мой муж, но он тоже из Хранителей, только по мужской линии. Его предок был смотрителем маяка, тем самым, что прятал у себя влюбленных Лилиан и Виктора.

Итан отставил тарелку. В его глазах зажегся интерес.

— Значит, Уитби-Рокс — это не просто деревня. Это… база? Убежище?

— Можно и так сказать, — кивнула Марта. — Здесь живут потомки семи семей Хранителей. Мы — последний оплот перед финальной битвой. Каждый раз, когда амулеты находят носителей, деревня готовится. Ждет. В этом цикле мы ждали вас.

— Но почему вы просто не найдете нас сами? Почему не предупредите заранее? — спросила Элиза. — Почему все через сны, через загадки, через лавки древностей?

Марта и Тобиас переглянулись.

— Потому что Ключники тоже ищут, — ответил Тобиас. — Если бы мы действовали открыто, нас бы уничтожили еще в Средневековье. Мы выжили только благодаря секретности. Каждый носитель должен сам найти путь — амулет ведет его. Мы лишь подбираем тех, кто дошел.

— И много нас… таких? — спросил Итан. — Носителей?

— Только вы двое, — Марта посмотрела на них серьезно. — В каждом цикле — только двое. По одному на амулет. И в этом цикле — вы. Поэтому Ключник так зол. Если вы соединитесь, его орден потеряет силу навсегда. Три тысячи лет охоты закончатся.

В гостиной повисла тишина. Потрескивал огонь. За окном кричали чайки.

— Марта, — Элиза подалась вперед. — Что мы должны сделать? Конкретно. По шагам. Мы видели книгу под маяком, мы знаем, что есть три этапа. Но нам нужно руководство.

Марта встала и подошла к старому бюро в углу комнаты. Выдвинула потайной ящик и достала небольшой свиток, перевязанный голубой лентой.

— Это карта. Карта всех мест силы в Новой Англии. Церквей, рощ, старых капищ — мест, где сила Хранителей максимальна. Вам нужно пройти второй этап — «Узнавание» — в одном из этих мест, вдали от Ключника. Карта покажет, где вы будете в безопасности.

— А третий этап? — спросил Итан. — «Единение»?

— Для этого нужна Нингаль. Она — единственная оставшаяся из Высокого Круга, кто может провести ритуал. Где она сейчас, я не знаю, но карта подскажет, когда придет время.

Элиза взяла свиток. На пожелтевшей бумаге были нанесены странные, переливающиеся символы, которые двигались, как живые, образуя карту побережья.

— Что такое «Узнавание»? — спросила она. — Мы уже провели вместе ночь, мы знаем историю друг друга…

— Узнавание — это не просто информация, — мягко перебила Марта. — Это доверие. Полное. Когда вы будете готовы, амулеты сами подскажут. Возможно, вам нужно будет пройти через какое-то испытание вместе. Доказать, что ваша связь — не случайность, а судьба.

Итан и Элиза снова переглянулись. За эту ночь они действительно стали ближе. Но достаточно ли близки для «Узнавания»?

Тобиас, молчавший последние минуты, внезапно поднялся.

— А теперь, — произнес он, и в его голосе появилась новая, стальная нотка, — раз вы поели и согрелись, вам нужно кое-что увидеть. Марта, покажи им Зал Памяти.

Марта кивнула и жестом пригласила гостей следовать за ней.

— —

Зал Памяти оказался в подвале дома, скрытый за тяжелой дубовой дверью. Это была небольшая комната без окон, освещенная только свечами. Стены были увешаны портретами — десятками, может, сотнями портретов. Мужчины и женщины разных эпох, разных рас, разного возраста. Но у каждого на шее висел амулет.

— Это все носители? — прошептала Элиза, оглядываясь.

— Те, кого мы успели запечатлеть, — ответила Марта. — За три тысячи лет. Здесь не все, многих мы не знаем в лицо. Но каждый из них пытался. И каждый терпел неудачу.

Она подвела их к портрету в центре стены. С холста на них смотрела Лилиан Блэквуд. Ее болотные глаза, такие же, как у Нингаль, были полны жизни, но и глубокой, застарелой печали.

— Лилиан была ближе всех к победе, — сказала Марта. — Она почти соединилась с Виктором. Их разлучили в последний момент. Предательство Роуз, о котором вы знаете, стоило им жизни.

— Роуз спасла нас, — тихо сказала Элиза. — Она искупила свою вину.

Марта долго молчала, глядя на портрет Лилиан. Потом перекрестилась.

— Значит, её душа наконец свободна. Хорошо. Очень хорошо.

Итан подошел к портрету и положил ладонь на раму.

— Мы не потерпим неудачу, — сказал он. — Я обещаю это тебе, Лилиан. И тебе, Марта. И всем, кто здесь.

В этот момент амулеты на их грудях одновременно вспыхнули. Свет от них отразился от портретов, от свечей, от старых стен — и на мгновение Залу Памяти стало светло, как днем.

Марта ахнула и отступила на шаг.

— Они признали вас. Амулеты признали вас истинными носителями. Три тысячи лет мы ждали этого знака.

Тобиас, стоявший в дверях, опустился на одно колено.

— Отныне мы в вашем распоряжении. Все семьи Хранителей. Все ресурсы. Все знания. Только скажите, что вам нужно.

Элиза и Итан стояли плечом к плечу под взглядами сотен портретов. Их свечение медленно угасало, но тепло от него осталось — тепло, которое больше не зависело от погоды и обстоятельств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.